

Про овечку

Если б я была горою
из гранита и асбеста,
то б гляделась горделиво
в безвоздушный окоём,
и, кристаллами сверкая,
в платье снежном, как невеста
я не сдвинулась бы с места.
Я б стояла на своём.

Если б я была горянкой,
я бы песню песней пела,
и как маков цвет пылала,
и на свадебном пиру
я б шашлык хрустящий ела,
и монистами звенела,
подливая в звонкий кубок
цвета крови Хванчкару.

Если б я была овечкой,
я бы думала о вечном.
А о чём ещё мне думать,
глядя в пляшущий костёр?
Чтобы ухало сердечко,
чтоб свивалась шерсть в колечко,
чтоб устойчив был треножник,
чтобы ножик был остёр.

Опять с вокзала на вокзал.
Измотанность, как бег по кругу.
Но в жизни множество начал,
перетекающих друг в друга.

Сойдёт восторженность на нет.
Дойдёт терпенье до предела.
В глазах сожмётся белый свет
до густоты живого тела.

Наутро стихнет круговерть.
И ты увидишь с облегченьем:
вчера была ещё не смерть,
а просто — новое рожденье.

Легнее

Тараканы исчезли, и мухи исчезли, и пчёлы.
И комарик писклявый жалейкой не стонет над ухом.
Но пока ещё кашкою пахнет, цветут родиолы.
Ох, наскочит земля на небесную ось — говорили старухи!

Кто же будет теперь прочищать хоботок и подкрылки,
кто же будет теперь потирать свои чёрные лапки,
вязнуть в сладком варенье и ползать в зелёной бутылке,
иероглифом маяя ходить по альбомной закладке?

Говорили — ужо, вам, ужо! Вот бабахнет, промчится!
Говорили, что ягодки будут, а это — цветочки!
Как же хлопотно, тяжело... Что ж будет теперь, что случится?
О, как быстро наш мир докатился до ручки, до точки.

Но пока ещё кашкою пахнет, и вьётся горошек.
В тонком чайничке преет смородиновый листочек.
Как же сладок наш пир с тихим звоном серебряных ложек!
Как же знаков не хочется — ни препинаний, ни точек.

Тараканы исчезли, и пчёлы исчезли, и мухи.
Вот и я исчезаю в цветенье полуденной тенью.
Ясно вижу вполглаза, отчетливо слышу вполуха,
сонно перетекая в иное совсем измеренье.

* * *

Господи, как же мне холодно и неудобно.
Как неудобно, и мутно на сердце, и смутно.
Дерево — дурень, река — недотыка, и камень — дурак.
Господи, как неудобно и холодно как.

Господи, с чем мне собраться и как мне согреться?
Как успокоить своё беспокойное сердце?
Как из глубокой печали, из праха восстать?
К белому молу, причалу, пределу пристать?

Как же мы гордо живём и как ходим опасно.
Как же страшны небеса твои, Господи, как же прекрасны
в гроздьях свинцовых, в клубах облаковой резьбы,
не приклонившие ухо на наши мольбы.

* * *

Нелепый, ущерблённый,
провинциальный быт.
Мне этот дом казённый
до смерти не забыть.

Здесь, может, пели,
били кого-нибудь под дых.
Здесь до меня ходили
десятки ног чужих.

Здесь после так же станут
стоять, сидеть, ходить,
срывать, бить стаканы,
и чайник кипятить.

И кто-нибудь красивый,
очнувшись ото сна,
увидит эту иву
из этого окна,

коли её не срубят
до тех прекрасных пор...
И он ещё полюбит
дурацкий этот двор

и всю его унылость,
тоску его. Куда б
я сроду не стремилась,
хоть жги меня, когда б

ни с этого вокзала
с мечтою — навсегда! —
срывалась и сбегала
в другие города.

* * *

В мире всё случается так, как надо.
В мире всё случается так, как должно.
Отчего ж в предчувствии листопада
на душе — тревожно?

Так на стылых ветрах дрожит берёзка.
Так на стылых ветрах дрожит осинка.
И травинке хочется от морозца —
под холстинку.

Ах, букашка малая — ротозейка,
слыша грай вороний в прорехах сада,
не жалея себя, не ищи лазейку:
в мире всё случается так, как надо.